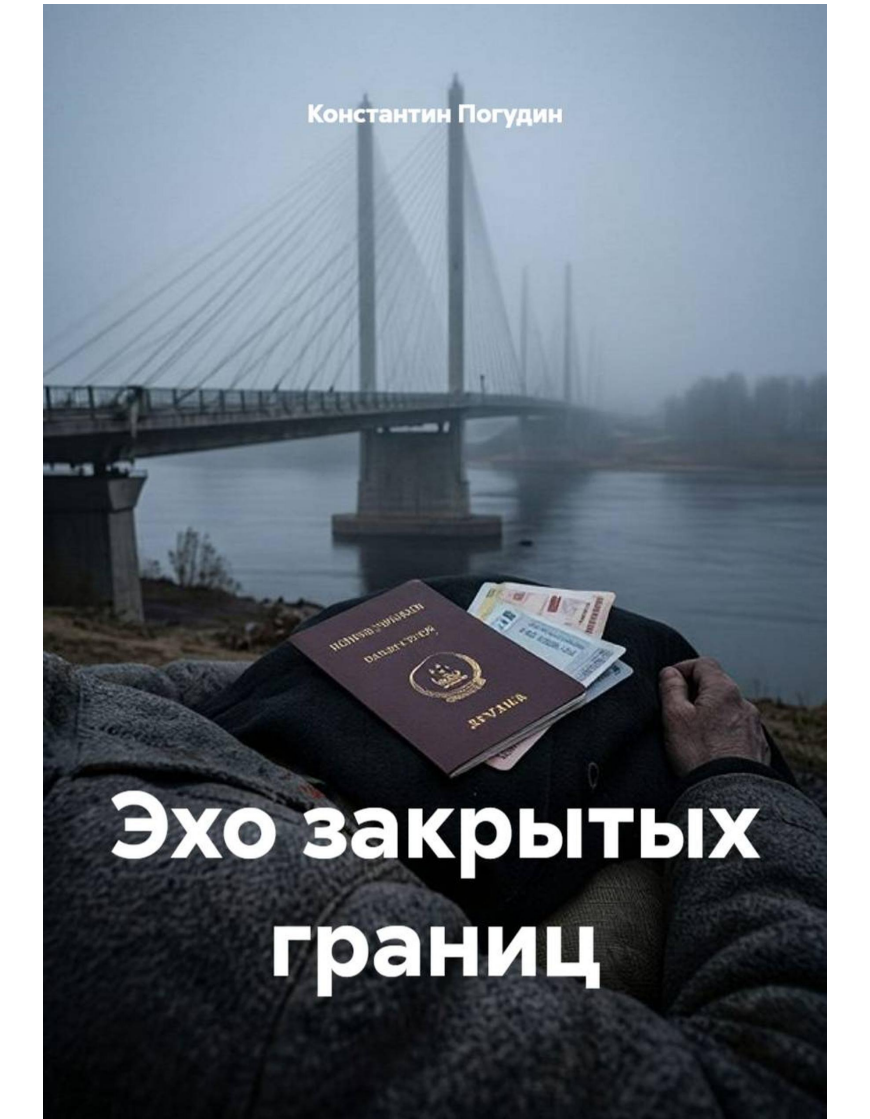

A person is sitting on a riverbank, their legs and hands visible. They are holding a dark red passport with the Russian coat of arms and the words "ПОСЛЕДНИЙ ПАСПОРТ" and "ДЕВЯТА" visible. Several banknotes are fanned out next to the passport. In the background, a large cable bridge spans a wide river under a heavy, grey, foggy sky. The bridge has tall pylons and many stay cables. The water is calm and reflects the bridge and the sky. The overall mood is somber and contemplative.

Константин Погудин

Эхо закрытых границ

Константин Погудин

Эхо закрытых границ

<https://litres.ru/74624363>

SelfPub; 2026

Аннотация

Калининградская область, 2023 год. Полуэксклав, отрезанный от остальной России. Здесь граница — не стена, а туман. Здесь прошлое не отпускает, а будущее не наступает. Здесь люди привыкли жить между двумя берегами, двумя языками, двумя версиями одной истории.

Когда на мосту через Неман находят тело мужчины с поддельными документами и татуировками спецназа, следователь Артём Величко понимает: это дело не про убийство. Это дело про шов, который кто-то пытается разорвать. Про тоннели под рекой, по которым идут не товары, а люди. Про человека в пальто с мягкой улыбкой, который знает всё — и молчит.

«Эхо закрытых границ» — это медленный, холодный, почти документальный детектив о людях, живущих на краю. О тех, кто остался. О тех, кто уехал. И о тех, кто исчез в тумане.

Константин Погудин

Эхо закрытых границ

Время действия: осень 2023 — весна 2024

Место действия: Калининградская область, Советск, пограничная зона с Литвой

Глава 1. Ночь на Немане

Туман поднимался с реки, как дыхание огромного спящего зверя. Он выползал из воды медленно, тяжело, обволакивая бетонные опоры моста, скользя по ржавым перилам, заполняя пространство между берегами так плотно, что казалось — ещё немного, и он поглотит всё: и мост, и машины, и людей, которые работали внизу, у самой кромки воды.

Марийонас Казлаускас стоял на литовском берегу, засунув руки в карманы куртки, и смотрел, как солдаты разгружают грузовик. Бетонные пирамиды — тяжёлые, уродливые, с острыми гранями — выгружали на специальные поддоны. Рядом с ними громоздились металлические балки, прозванные в прессе «зубами дракона». Всё это должно было стать «оборонительной линией» — так объясняли в Вильнюсе. Так объясняли в Брюсселе. Так объясняли везде, где были готовы слушать.

Марийонас не был уверен, что кто-то слушал.

— Марийонас, ты собираешься помогать или так и будешь стоять? — крикнул сержант от грузовика.

— Я наблюдаю, — ответил он. — Кто-то же должен.

Сержант махнул рукой и вернулся к работе. Марийонас посмотрел на часы: половина второго ночи. Он должен был смениться ещё час назад, но приказ пришёл внезапно — «установить укрепления до рассвета». Никто не объяснял, зачем. Никто не спрашивал.

Он смотрел, как пирамиды устанавливают у моста — того самого, который местные называли мостом Королевы Луизы, хотя официально он давно носил другое имя. Мост соединял два берега, два мира, две версии одной истории. Днём по нему шли машины — фуры, легковые, редкие автобусы. Ночью он был пуст, и тогда казалось, что он существует вне времени, вне политики, вне всего того, что происходило вокруг.

— Смотри, — сказал один из солдат, молодой, совсем мальчишка, — журналисты приехали.

Действительно, к берегу подъехал микроавтобус. Из него вышли люди с камерами и штативами. Вспышки фотоаппаратов разорвали туман яркими пятнами света. Марийонас слышал, как кто-то из них говорил по-английски, кто-то по-литовски, кто-то по-русски. Они снимали пирамиды, балки, мост, солдат. Они делали свою работу.

— Улыбайся, — сказал сержант. — Ты попадёшь в новости.

Марийонас не улыбнулся. Он смотрел на противоположный берег, где в тумане угадывались огни российского по-

гранпоста. Там тоже кто-то смотрел. Наверное. Или не смотрел. В этой серой мгле нельзя было сказать наверняка.

Через час укрепления были установлены. Журналисты уехали. Солдаты погрузились в грузовик и уехали следом. Марийонас остался один — на посту, с фонарём и рацией, с видом на мост, который теперь был «защищён» от невидимого врага.

Он простоял там до рассвета. Туман начал рассеиваться к шести утра, и тогда, в первых серых лучах, Марийонас увидел, что пирамиды исчезли.

Все до одной.

Он моргнул. Протёр глаза. Подошёл ближе. На месте, где ночью стояли бетонные глыбы, остались только вмятины в мокрой земле и следы от поддонов. Сами укрепления — тяжёлые, многотонные — исчезли.

Марийонас поднял рацию.

— Центральный, это пост «Мост». У меня... проблема.

— Что за проблема?

— Укрепления. Их нет.

Пауза.

— Повтори.

— Я говорю: укреплений нет. Пирамиды, балки — всё исчезло. Ночью были, сейчас нет.

Долгая пауза. Марийонас слышал, как на другом конце провода кто-то шепчется, как скрипит стул, как открывается и закрывается дверь.

— Оставайся на месте, — сказали ему. — Ничего не трогай. Мы разберёмся.

Марийонас опустил рацию. Посмотрел на реку. Вода была спокойной, серой, равнодушной. Он подумал о том, что, наверное, стоит позвонить жене, но не стал. Что он скажет? «Доброе утро, у нас тут укрепления пропали»? Она не поймёт. Она из Вильнюса, она никогда не была здесь, на границе, где реальность была зыбкой, как этот туман.

Он пошёл вдоль берега, проверяя, не осталось ли следов. И тогда увидел.

Тело лежало у самой воды, наполовину в тумане, наполовину на мокром песке. Мужчина. Лет сорока, может, чуть больше. Куртка тёмная, джинсы, ботинки — хорошие, дорогие, не для этой местности. Лицо спокойное, почти умиротворённое, как будто он просто лёг отдохнуть и не собирался больше вставать.

Марийонас опустился на корточки. Проверил пульс — не было. Проверил карманы — осторожно, стараясь не сдвигать тело. Бумажник. Документы. Он вытащил их, посмотрел.

Аккредитация. Иностранное издание. Немецкое. Фотография — этот же человек, только моложе, улыбается. Имя: Клаус Бергер. Журналист.

Марийонас посмотрел на руки. Потом на плечо — куртка была расстёгнута, и под ней виднелась татуировка. Нож. Десантный нож, переkreщенный с чем-то ещё. Цифры. Он не знал, что они означают, но понимал: это не журналист. Или

не только журналист.

Он снова поднял рацию.

— Центральный, это пост «Мост». У меня труп.

Пауза.

— Что?

— Труп. Мужчина. Документы на имя иностранного журналиста. Но... — он запнулся. — Есть особенности. Татуировки. Военные.

Долгая пауза.

— Никого не подпускай. Мы выезжаем.

Марийонас опустил рацию и сел на мокрую землю рядом с телом. Туман начал подниматься, открывая серое небо, серую реку, серый мост. Он смотрел на мёртвого человека и думал о том, что этот день начался неправильно. И, возможно, закончится ещё хуже.

Глава 2. Звонок

Артём Величко проснулся от того, что телефон вибрировал на тумбочке. Он открыл глаза, посмотрел на часы: 7:14. Суббота. Он не должен был вставать раньше девяти. Он вообще не должен был вставать — у него был выходной, первый за три недели.

Телефон продолжал вибрировать.

Артём протянул руку, взял его, посмотрел на экран. Номер незнакомый. Но код — местный, калининградский.

— Величко, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Артём Сергеевич? — Голос на другом конце был напряжённым, официальным. — Это дежурный по области. У нас ситуация на границе. В районе Советска.

Артём сел на кровати. Сон ушёл мгновенно, как будто его и не было.

— Что случилось?

— Труп. На литовской стороне, у моста. Мужчина. Документы на имя иностранного журналиста. Но...

Пауза.

— Но что?

— Литовцы говорят, есть особенности. Татуировки. Военные. И... — дежурный запнулся. — Они говорят, что ночью там были укрепления. «Зубы дракона». А утром они исчезли.

Артём молчал. Он знал об укреплениях. Все знали. Новости писали, телеграм-каналы гудели, местные обсуждали в очередях и в чатах. Литва устанавливала «оборонительную линию» на границе. Россия называла это провокацией. Европа называла это «превентивной мерой». Никто не называл это тем, чем это было на самом деле: театром.

Но теперь в этом театре был труп.

— Кто ведёт дело? — спросил Артём.

— Формально — литовцы. Территория их. Но... — дежурный снова запнулся. — Есть нюансы. Тело нашли в спорной зоне. Мост. Там всегда было... неясно.

Артём знал, что значит «неясно». Он вырос в Советске, в

двадцати километрах от этого моста. Он знал каждый закоулок, каждую тропинку, каждый камень на берегу. Он знал, что граница — это не линия на карте. Это туман. Это река. Это люди, которые живут по обе стороны и говорят на двух языках, но думают об одном: как выжить.

— Я выезжаю, — сказал он.

— Артём Сергеевич, вас не просили...

— Я выезжаю, — повторил он. — Пришли мне координаты. И свяжись с литовской стороной. Скажи, что едет следователь из области. Пусть ждут.

Он отключился, не дожидаясь ответа.

Встал. Пошёл в ванную. Посмотрел на себя в зеркало: сорок лет, седина на висках, усталые глаза. Он выглядел старше, чем чувствовал. Или младше, чем был. Он уже не понимал.

Он оделся быстро: джинсы, свитер, куртка. Проверил документы, телефон, зарядку. Взял ключи от машины. Вышел из квартиры, закрыл дверь, спустился по лестнице — лифт не работал уже месяц, и никто не собирался его чинить.

На улице было серо и сыро. Калининград в ноябре — это не город, это состояние души. Дождь моросил, не прекращаясь, как будто небо решило, что с него достаточно, и теперь просто ждало, когда всё закончится.

Артём сел в машину — старую «Ниву», которая служила ему верой и правдой уже семь лет. Завёл двигатель. Тот заурчал, неохотно, как старый пёс, которого разбудили слиш-

ком рано. Артём выехал со двора и направился в сторону Советска.

Дорога занимала час. Час, чтобы подумать. Час, чтобы вспомнить.

Он вспоминал отца. Пограничника. Человека, который всю жизнь провёл на этой границе, который знал её лучше, чем собственную квартиру. Отец говорил: «Граница — это не стена. Это шов. И если шов разойдётся, всё развалится». Он умер три года назад. Сердце. Артём не успел попрощаться.

Он вспоминал мать. Учительницу. Женщину, которая учила детей в Советске сорок лет и знала всех: и тех, кто уехал, и тех, кто остался, и тех, кто хотел уехать, но не мог. Она говорила: «Люди здесь не плохие и не хорошие. Они просто устали». Она умерла год назад. Артём успел попрощаться.

Он вспоминал жену. Бывшую. Калининградскую. Она говорила: «Ты никогда не сможешь уехать. Ты привязан к этому месту, как камень к шее». Она уехала. В Москву. Потом в Тбилиси. Потом куда-то ещё. Артём не следил. Дочь осталась с ней. Иногда звонила. Иногда нет.

Он вспоминал себя. Молодого. Амбициозного. Который думал, что сможет изменить систему. Который верил, что правда важнее всего. Который не понимал, что правда — это товар. И у него своя цена.

Он приехал в Советск к девяти. Город выглядел так же,

как в его детстве: серый, тихий, сонный. Дома, магазины, остановки. Люди шли по делам, не обращая внимания на машину с областными номерами. Здесь все знали всех. И всех, кто приезжал, тоже знали.

Артём припарковался у здания местного отдела. Вышел. Вдохнул воздух: река, дым, мокрый асфальт. Этот запах он узнал бы где угодно. Это был запах дома.

Его встретил молодой сотрудник — лейтенант, лет двадцати пяти, с круглым лицом и глазами, которые ещё не успели стать усталыми.

— Артём Сергеевич? Я вас провожу. Там... — он запнулся. — Там уже литовцы. И наши. И...

— И кто ещё?

— Не знаю. Но там много людей.

Артём кивнул и пошёл следом.

Глава 3. Мост

Мост Королевы Луизы выглядел так, как он выглядел всегда: старый, надёжный, немного уставший. Он соединял два берега, и на нём не было видно границы. Ни линии, ни столба, ни знака. Только бетон, железо и вода под ним.

Артём вышел из машины и огляделся. На литовской стороне стояли двое пограничников — один молодой, с напряжённым лицом, второй постарше, с усталым. Рядом — группа людей в штатском, которые, судя по всему, были следователями. Ещё дальше — микроавтобус с логотипом литов-

ского телевидения. Журналисты уже здесь.

На российской стороне — тоже люди. Двое в форме, один в штатском. Они стояли и смотрели на противоположный берег, как будто ждали, что кто-то придёт и объяснит, что происходит.

Артём подошёл к краю берега. Тело уже убрали — он видел, как его грузят в машину. Оставалось только место: вмятина в мокром песке, тёмное пятно, которое дождь ещё не успел смыть. И следы. Много следов.

— Вы Величко? — раздался голос за спиной.

Артём обернулся. Перед ним стоял мужчина лет пятидесяти, в хорошем пальто, с усталым, но внимательным лицом. Литовский следователь.

— Да, — сказал Артём. — А вы?

— Майорас, — представился тот. — Департамент полиции. Мы уже начали осмотр. Но... — он развёл руками. — Ситуация сложная.

— Сложная — это мягко сказано, — ответил Артём. — Что у вас есть?

Майорас посмотрел на него внимательно, как будто решал, можно ли доверять. Потом кивнул.

— Тело — мужчина, примерно сорок пять лет. Причина смерти — ножевое ранение в область сердца. Один удар. Профессиональный. Документы на имя Клауса Бергера, гражданина Германии, журналиста. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.